

Алекс Аргутин

Некоторые, наиболее
правдивые, истории
моего детства

Алекс Аргутин

**Некоторые наиболее правдивые
истории моего детства**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Аргутин А.

Некоторые наиболее правдивые истории моего детства /
А. Аргутин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Интересно, как сознание делает акценты на определенных вещах, когда думаешь особенно о самом раннем этапе своей жизни. А некоторые обстоятельства, казалось бы очевидные, вообще отсутствуют в реестрах воспоминаний. Понятно, их можно переместить в прошлое с более поздних позиций или воссоздать искусственно. Но спустя десятки лет соглашаешься, что в принципе, это не обязательно. Достаточно, чтобы события те действительно однажды происходили.

Алекс Аргутин

Некоторые, наиболее правдивые, истории моего раннего детства.

1

Говорят, в тот день, впервые за последнюю неделю февраля, выглянуло уже весеннее солнце, и повсюду зажурчали ручьи. Так ли это – не знаю. Но идея мне нравится. Уверенно припоминаю лишь влажную от росы еще юную зелень кустов и деревьев, кривоногие мать-и-мачехи на бурых газонах и цветные тесемки на головах бесцеремонных хиппи, которые иногда проплывали мимо моей скрипучей детской коляски.

Потом были, конечно, первые шаги, неказистый трехколесный велосипед, голуби, клюющие крошки булки, брошенные им морщинистой рукой моей бабки, и пруд, до сих пор именуемый всеми Серебка. Отчего-то уроки английского в группе для дошкольников вспоминаются теперь менее ярко, чем осенние походы за грибами в тогда еще совсем дикую часть парка Сосновка, но тоже вполне естественно, словно нечто на самом деле некогда происходившее со мной.

Интересно, как сознание делает акценты на определенных вещах, когда думаешь особенно о самом раннем этапе своей жизни. А некоторые обстоятельства, казалось бы очевидные, вообще отсутствуют в реестрах воспоминаний. Понятно, их можно переместить в прошлое с более поздних позиций или воссоздать искусственно. Но спустя десятки лет соглашаешься, что в принципе, это не обязательно. Достаточно, чтобы события те действительно однажды происходили.

Помню, мне уже исполнилось года три, когда появилась на свет сестра. И это отличный исторический ориентир. Наверно, у каждого есть в прошлом подобные зацепки. Именно тогда я впервые начал задавать себе вопросы. При чем, ответы оказались не так и важны. Само появление вопроса вызывало новые, еще не испытанные ощущения, порой настолько сильные, что это требовало немедленного вмешательства.

Как раз в тот год родители раздобыли где-то домашнего питомца, вполне достойного моего интереса, – черепаху. Очень вероятно, и скорее всего, – чтобы отвлечь любопытствующий детский разум от новорожденной. Шершавый на ощупь, узорчатый панцирь, отзывавшийся на постукивание глухими щелчками, твердые чешуйки на лапах, хвосте и морде, которые втягивались внутрь при любом беспокойстве. К черепахе, естественно, я сразу же привязался, и родительская цель, казалось, была достигнута. Но однажды она сбежала от меня прямо на улице. Благодаря этому воспоминанию, я теперь понимаю, что рос еще и весьма задумчивым ребенком.

Потом, конечно, были разные другие привязанности – морская свинка, котики, жуки, которые жили в спичечном коробке. Но век их тоже оказался крайне короток и финал порой неожиданен и печален. От чего уже тогда, еще смутно и очень осторожно, я начал исследовать мысль о конечности всего сущего, и это стало наполнять происходившее еще большим, но не до конца осознаваемым смыслом. Или надеждой, что наконец пойму, отчего все постоянно меняется, и то, что было вчера моим и важным, сегодня вообще отсутствует, сколько не три глаза, просыпаясь по утрам.

Однако, разные неожиданные неприятности, бывало, случались и со мной. Так, однажды, я разбил люстру выстрелом из ракетницы, подаренной мне на четвертый день рождения, и, пытаясь замести следы катастрофы, порезал осколком палец. Чуть позже я засадил огромную занозу в живот, ползая по плохо отполированному паркету. Как-то раз вообще забросил монету между не до конца вставленным штепселем и розеткой, чем чуть не спалил квартиру. А однажды воткнул отцовские радиотелефоны от геологической рации в 220 вольт и был очень

удивлен густому дыму, от которого у меня закружилась голова, а также низкому характерному звуку. Потом старшие объяснили мне, что это оказались те самые 50 герц, равные 50 колебанием мембраны динамиков в секунду, и что переменный ток в электрической сети колеблется именно с такой частотой.

Поэтому, можно смело добавить, что рос я не просто задумчивым и любопытным, но и весьма дотошным ребенком. С огромным интересом я бывало подолгу наблюдал из окна за лужами на асфальте во время затяжных осенних дождей, за водомерками на поверхности Серебряного пруда летом, за птицами, каждую осень улетающими куда-то на юг. Я словно вел дневник наблюдения за природой, но как бы в своей голове, не записывая на бумагу. Писать и читать я еще не успел научиться. Я даже не понимал, что это называется дневником, но аккуратно фиксировал в нем все явления, которые на меня производили впечатление.

При чем, всякие там утренники в детском саду, хрестоматийные сказки, стишки и рассказы оказывались для меня не настолько важны, и тут же вылетали из головы. Но вот журчание воды в ручьях, первая капель, шум ветра в густой листве, березовый сок, стекавший по острым щепкам, воткнутому в стройные стволы, вкус клейкого молока одуванчиков и еле уловимый аромат клевера у поребрика во дворе сами собой складывались в целые истории.

Возможно, поэтому, когда в возрасте примерно пяти лет из моей жизни где-то на год исчез отец, я почти ничего не почувствовал. Слишком много вокруг еще оставалось всего неизведанного. Мне, конечно, говорили, что он геолог, и мы скоро присоединимся к нему в Африке, но для меня эти объяснения ничего не значили. Африку из окна и во время прогулок было не увидеть. Но даже когда я впервые увидел настоящих негров – на борту самолета Боинг, который наконец оторвался от земли, унося нас с матерью и сестрой на другой, понаслышке очень жаркий континент, – я почти не был шокирован. Даже не смотря на то, что отчего-то места для нас троих в одном ряду не нашлось, и меня посадили отдельно. Важнее, чем внешний вид моих неожиданных соседей, для меня оказался их запах, который я запомнил с первого раза – запах совершенно иной жизни, если не физиологии, как мне тогда показалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.